

Работа в зоне бедствия (Ленинаканский дневник). Часть 11. Энтузиазм против бюрократии

В 2018 г. исполнилось 30 лет со дня одного из наиболее трагических событий в истории нашей страны – Спитакского (Ленинаканского) землетрясения, унесшего жизни не менее 25 000 человек (по неофициальным данным, около 150 000 человек).

В январе 1989 г. автор воспоминаний – Николай Афанасьевич Самусь – из г. Волгограда был направлен в качестве технического руководителя изыскательской группы НижневолжТИСИЗ в составе экспедиции Госстроя РСФСР в зону землетрясения – г. Ленинакан (ныне г. Гюмри), где был назначен главным геологом экспедиции. Работа была чрезвычайно масштабная и столь же специфическая. Ныне почётный изыскатель СРО «АИИС» Николай Афанасьевич работает геологом-консультантом в ООО «ГеоСИМ».

В марте и апреле журнал «ГеоИнфо» опубликует в виде небольших заметок, выходящих по 2 раза в неделю, воспоминания Николая Афанасьевича о той работе.

В полном объёме текст воспоминаний публикуется впервые.

Самусь Николай Афанасьевич

Геолог-консультант ООО «ГеоСИМ

Samus.nikolaj@yandex.ru

23 февраля. Праздник. В большинстве рабочих бригад сегодня выходной. А для нас день начался с интенсивной подготовки к походу «на ковёр» к В.И. Решетилову – министру Минсевзапстроя Союза – первому ответственному за строительство и восстановление зданий и сооружений силами РСФСР в зоне

бедствия. Вызывал он нас (Л.В. Хихлуха, Л.Г. Кушнир, Ю.П. Семко, Э.С. Савосин и я) в связи с тем, что 18 февраля комиссия Госстроя СССР (или рабочая группа, как было в документах) проверяла экспедицию, 20 февраля написала докладную в штаб РСФСР о недостатках в работе, в частности, отставании **лабораторных работ** (именно это я сам сказал членам комиссии). Юрий Петрович Семко и я узнали об этой докладной только после «ковра», для нас вызов был сформулирован как **«вопрос на месте»**. В 10 мы были в здании горкома партии. Принял нас В.И. Решетилов в 10.25. Началось всё с представления в прямом и переносном смысле. Ю.П. Семко имел неосторожность сесть ближе всех к председательскому столу и первый жребий выпал ему. Л.В. Хихлуха назвал его, а он не вскочил и даже не сразу встал и, видимо, из-за отсутствия опыта не к месту сказал: «Я Вас слушаю». На что министр очень громко крикнул: «Это мы вас слушаем!» «О чём?» – пытался уяснить Ю.П. «Насчёт картошки дров поджарить!» Ю.П. в самом деле не поймёт. Тогда министр, видя, что перед ним зелёный новичок, грубо бросил: «Зачем вы сюда приехали? Что вы здесь делаете?» Семко начал собираться с мыслями и сбивчиво говорить о проделанной работе. Потерзав ещё несколько минут, министр посадил его. За ним выступил Л.Г. Кушнир. Отвечал спокойно, владел проблемой, тем самым сгладил впечатление от неудачного дебюта Юрия Петровича. Даже умело вставил, что Л.А. Воронин, исполняющий сейчас обязанности председателя комиссии Политбюро ЦК и СМ СССР, даёт указания выполнять некоторые объекты, которые В.И. Решетилов считает не срочными. Тут министр почти рассвирепел, громко заявив, что никто не имеет права через его голову давать распоряжения. В этот момент раздался телефонный звонок. Как выяснилось из разговора, звонил Воронин. Тон разговора у министра заметно изменился, голос стал потише и потоньше, а закончился словами «слушаюсь» и «есть». Положив трубку, министр обратился к нам: сейчас главное – 58-й квартал. Воронин сказал, что только что ему позвонил Н.И. Рыжков и трижды во время разговора спросил: **«Когда у тебя появятся из земли дома?»** А потому, добавил министр, мы принимаем решение: до воскресенья вырыть 40 котлованов. Сейчас мы поедem в поле и посмотрим, как там идёт строительство.

Что бросилось в глаза: грубая косная речь, хамство по отношению ко всем, с кем говорил. Слава богу, я отсиделся молча.

Затем поехали на площадку. Всё свелось к тому, что надо «вперёд!» – так мне показалось. У строителей ещё не было никакой документации, даже не определены места расположения домов. Где рыть 40 котлованов? Какая их конфигурация и заглубления? Не важно? Проектной документации ещё нет. Но никто не смеет не то, что возразить, а глаза поднять. И это – строительство нового города на многие годы. По моим наблюдениям, восстановительная истерика с требованием немедленного появления домов из земли сродни гриппу: если торопить процесс, то дом успеешь возвести за год и сможешь на всех уровнях бить себя в грудь: «Это я построил!»; если не дёргать никого по несколько раз в день, то этот же дом построишь месяцев за двенадцать.

В четыре часа вечера снова «штаб», затем горком, на этот раз подняли только Л.Г. Кушнира, но тот ответил очень удачно, больше нас не касались. Зато слышали такие «перлы», как: «покончить блуд, который мы здесь развели», «подышите воздухом производственным, а не денежной пылью (руководителю

местного сбербанка), «мы грабим в сбербанках народ, платя ему 2%, а не 7%, как на Западе. А что? Сейчас гласность!».

Одним словом, праздник выдался на славу.

Вечером приехал В.А. Карвовский из Астраханского отделения нашего НВТИСИза со своим партийным секретарём, немного посидели у меня в купе, спокойно обсудили участие работников треста в изысканиях здесь.

24 февраля. Относительно спокойный день, перед обедом выезжал на кв. 58, подписал первый документ, разрешающий строительство на площадках жилых домов. После обеда сильно болело сердце, вынужден был принимать меры.

К вечеру долго беседовал с двумя учёными из института геофизики и инженерной сейсмологии Р.П. Мартиросяном и К.А. Тонояном об эффекте землетрясения, роли трещиноватости, не учтённой в СНиПе, о биолокации и её возможностях, о необходимости картирования с учётом данных биолокации в сочетании с макросейсмическим картированием. Приятная беседа длилась около полутора часов, расстались довольными и с пожеланием встретиться ещё.

Вечером впервые не выполнили распоряжение Л.В. Хихлухи прибыть в штаб с данными о проделанных работах по жилью; мы могли собрать эти данные только в 20 часов, а он требовал к 19. Ни я, ни Э.А. Попов не пошли, а Л.Г. Кушнир и Ю.П. Семко с утра уехали в Ереван.

Созданная экспедиция держится в первую очередь на энтузиазме, порядочности и дисциплинированности специалистов, прибывших сюда в первом эшелоне, по существу – добровольцев. Для бюрократической ежедневной отчётности, в нашем понимании – мелочной и никому не нужной опеки – нет ни аппарата, ни связи: телефонной или хотя бы автомобильной. Поэтому требование ежедневно представлять полные данные нарастающим итогом именно по контролируемым в данный момент объектам (сегодня – жилью, но есть и другие объекты, давать только выборку) раздражает и специалистов из отрядов, и нас, так как съедает время, которого и без этого в обрез, а работать приходится по 12–14 и более часов. Добавлю, что по итогам этих ежедневных «данных» за всё время моего пребывания в экспедиции «сверху» не поступило ни одного замечания или вопроса. Их **никто не читал?** Делали «для галочки?»

По истечении десятилетий со времени бедствия я иногда думаю: случись (не приведи господь) подобное несчастье в настоящее время, как бы развивались события? Сколько «добровольцев» из числа изыскательских организаций, способных проводить изыскания в поле, а не только сидя за компьютером, согласилось бы полностью взять на себя выполнение **за свой счёт** всех работ, предварительно внося ощутимый **залог** и потом годами ждать оплату за выполненную работу?

25 февраля, суббота. Использую малейшую возможность, чтобы осмотреть здание или группу их с помощью биолокации. Сегодня, наконец, осмотрел рухнувшую церковь на площади Майского восстания, школу 6, 4 дома по Тбилисскому шоссе и половину территории завода шлифовальных станков. Начал вести учёт этих работ на планах масштаба 1:2000.

К сожалению, в понедельник улетает Э.А. Попов, наш главный инженер, и пока неизвестно, кто его заменит. Временно его обязанности будет исполнять А.Т. Горобец, начальник партии из Ростова. Практически я и Ю. Семко здесь – ветераны, не бывшие дома уже более месяца. Сегодня совершил часовой рейд по

ближайшим магазинам, готовясь домой, а рабочий день завершился в 23.50. Вернулся в свой вагон, а тут по телевизору показывают заседание комиссии Политбюро, где критикуют всех за низкие темпы работ, в том числе досталось и В.И. Решетилову, и Г.Л. Коффу. В начале марта 50 домов должны «вылезти из земли» (40 успели «вырасти» в 50!). Сейчас же только начинают рыть котлованы. Ночью морозы до -10. Как могут дома «вылезть» из земли, если время твердения цемента 28 дней, но в регионе нет электричества для **обязательного** прогрева бетона при отрицательных температурах? Строители, которых здесь много, к таким морозам не готовы.

Сравнил сегодня направление трещин на территории завода шлифовальных станков и по Тбилисскому шоссе. Пришёл к выводу, что показанные ранее «разломы» не находят подтверждения биолокацией. Надо собирать все данные на едином плане, а вести его нечем и не на чём.

26 февраля. Воскресенье здесь, как правило, самый тяжёлый день недели. Может, так только кажется, потому что ждёшь его как выходного, а фактически не менее 12 часов надо быть заведённым, как машина.

До обеда успел обернуться в аэропорт и обследовать здание биолокацией, а также школу по ул. Комитаса. Монолитное железобетонное здание аэропорта рассечено 6 разломами, но уцелело, лишь местами отмечены выколы штукатурки. У здания школы практически нет фундаментов, зато устроено 3 антисейсмичных пояса.

После обеда приезжал Г.Л. Кофф, с ним Д.Н. Алексеенков, М.Н. Голубцова, Х.А. Джантемиров и Т.Г. Константинова. Часа 3 работали вместе в поезде.

Вечером Л.Г. Кушнир сделал попытку улететь в Москву, но не оказалось самолёта. Завтра улетают он и Э.А. Попов. Сегодня прилетел из Волгограда Е.Д. Мильшин. Чувствую жуткую усталость, а работать ещё 2 недели.

27 февраля. Некоторый спад в работе: стало меньше поступать технических заданий. Может, временно. Устали все. Признак срыва – утром небольшая стычка между представителем Армсевзапстроя Железновым и нашими Ю.П. Семко и И.И. Сазоновым из Кургана. Мне удалось увернуться от неприятного разговора и даже сгладить ситуацию.

Вчера, оказывается, все мы промахнулись, упустив письмо, подготовленное нами за подписью Г.Л. Коффа, но и я, и Ю.П. Семко, и Д.Г. Кушнир не заметили момент, когда это письмо унесли представители Армюгстроя, а сегодня нам его не вернули, сославшись, что повезли в Ереван размножать.

Сегодня выезжал на резервную площадку «Ахурян» восточнее Аревика, куда предполагалось перенести часть Лениакана и которую как-то показывали по телевидению. Поездка оказалась полезной тем, что удалось в нескольких местах идентифицировать вращение биоиндикатора именно над трещинами в базальте: они там видны на поверхности.

Площадка в Ахуряне в целом, на мой взгляд, крайне неудачна: исполосована множеством аномалий (трещин), что при землетрясении проявляется очень сильно.

Ещё одно интересное наблюдение: при обследовании площадки завода шлифовальных станков как раз над аномалиями лежала стальная плита или лист толщиной около 6 см. Интересно, что индикатор никак не реагировал на эту плиту, вращался с той же скоростью и тем же знаком, как и вне плиты. То есть,

природа аномалий – не электромагнитная. Через территорию завода проходит широкая зона дробления – около 20 параллельных аномалий. Она стала причиной разрушения главного корпуса завода. На уцелевших фрагментах зданий нет и следов антисейсмических поясов. Самая западная часть цеха на высоте 8–10 м имеет то ли железобетонный пояс, то ли там монолитная балка, но именно эта часть цеха уцелела. Обследование завода проводил с лёгким на подъём геологом СтавропольТИСИЗа Исаковым Владимиром Андроновичем, для ускорения ходили параллельными курсами и фиксировали найденные аномалии на плане: кто находил первым – останавливался.

В городе неспокойно. На улицах наряды милиции с дубинками. Предупреждение о возможных инцидентах: завтра – годовщина сумгаитского происшествия, деталей которого я, к сожалению, не знаю до сих пор.

Продолжение следует.